

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НЕРАВЕНСТВ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ»

21–23 сентября 2006 г. в Санкт-Петербургском государственном университете прошла международная конференция «Трансформация социальных неравенств и развитие социального обеспечения в Центральной и Восточной Европе». Проведение и финансирование конференции происходило при поддержке Немецкого научно-исследовательского объединения (DFG), Германской службы академических обменов (DAAD (Российско-германский центр социальных наук в Санкт-петербургском Государственном университете, CGES)), и фонда Фридриха Эберта. Всего в конференции участвовали 49 социологов из 7 стран (21 из них внесли взносы), 6 из Германии, 5 из России.

Конференция была открыта 21 сентября 2006 г. организаторами профессором Мартином Дивальдом и профессором Райем Колморгенем. Со вступительной речью к участникам конференции обратились проректор Государственного Санкт-Петербургского университета Станислав Ткаченко и декан факультета социологии, руководитель Российско-германского центра социальных наук профессор Николай Скворцов.

Первая секция под названием «*Социальные неравенства и государство всеобщего благоденствия*» началась с презентации **Джири Сафра** (Университет Чарльза в Праге, Чешская республика) «*Метаморфозы социальной стратификации в Чешской республике в ходе постсоциалистических событий*». Сафр представил результаты длительного эмпирического исследования, проводившегося в Институте социологии и рассматривавшего изменения социальной стратификации и модели социального неравенства (с 1983 г.). В ходе исследования был выработан и применен «Многомерный социальный статусный подход» (MDSS). Общая идея — комбинация материальных и культурных аспектов статуса (ориентированная на теоретический подход Бурдьё). Сафр сообщил о трех главных результатах, учитывая данные, полученные в ходе последнего исследования, проведенного в 2006 г.: (1) Приблизительно одна треть населения (с 1983 до 2006) обладает устойчивым социальным статусом. (2) В целом, устойчивость статусных позиций возросла. Группы с более высоким материальным положением также достигли высокого культурного статуса. Однако часть социальной группы с налич-

ным высоким культурным статусом пережила упадок в материальном состоянии. (3) Недавно возникшие проблемы — выраженная сегрегация и новые «расовые» различия («цыгане», этнические меньшинства). Во второй части доклада Сафр прокомментировал результаты анализа жизненных стилей по эмпирическим данным 2004 г. В целом, значение временных и поколенческих влияний в изменении образа жизни в постсоциалистических странах равнозначно. Модель жизненного стиля эпохи постмодерна возникает среди социально значимых групп, однако ее нельзя рассматривать как доминирующую. В этом контексте Сафр рассматривал пространственную концентрацию статусных групп и групп с определенным образом жизни (Прага по отношению к сельским регионам), рост устойчивости класса и тенденций индивидуализации. Обсуждение доклада было сфокусировано на (а) проблеме устойчивости статуса, (b) роли образования и других видов культурного капитала, так же как (с) возможностях обобщения и (d) методологических вопросах (методы опроса, формулировка вопросов и т.д.).

Второй доклад секции был представлен **Генрихом Домански** (Академия Наук, Варшава, Польша) «*Изменения профессиональной мобильности, брачной гомогамии и выбора друзей*». Основной темой выступления была трансформация социальной стратификации в Польше, изучаемая в трех аспектах: модель мобильности, супружеский выбор и выбор друзей. Домански выдвинул гипотезу, в соответствии с которой эти три аспекта могут рассматриваться как дополнительные пути отражения социальной герметичности, поскольку межпоколенческая преемственность, брачная гомогамия и гомогамия в выборе друзей являются индикаторами ригидности группы, тогда как смешанные браки и разнородность моделей дружбы свидетельствуют о взаимодействии различных групп. На основе проведенных опросов и исследований (с 1980-х до 2006 г.) Домански рассмотрел (а) доминирующие социальные страты и их мобильность (уменьшение числа фермеров и квалифицированных рабочих; увеличение работников сферы торговли и обслуживания, частных предпринимателей и т.д.), (b) социальную мобильность мужчин и женщин в межпоколенческой перспективе, учитывая уровень образования, профессию, модели брака и дружбы. Результаты неоднозначны. С одной стороны, существуют факторы в пользу открытости социальной мобильности (например, увеличение профессиональной мобильности женщин в 1988–2004 гг.) против факторов закрытости (уменьшение относительной мобильности мужчин, рост соответствия между уровнями образования супругов, недостаток изменений в соответствии между образовательными уровнями друзей). Однако один фактор социальной мобильности заметно изменился: увеличение меритократии, определяемой как эффект дохода от образования. Подводя итоги, Домански подчеркнул, что переход к капитализму в Польше повлек за собой изменения моделей финансовой награды, но существенно не изменил открытости социальной стратификации. Во время дискуссии обсуждались как теоретические проблемы, так и эмпирические вопросы. К общему согласию дискутирующие пришли по вопросу растущего эффекта дохода от образования в постсоциалистических обществах, причем в центральноевропейских странах, возможно, в большей степени, чем в Восточной Европе.

Светлана Ярошенко (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия) выступила с докладом «*Русский бедный на социальном обеспе-*

чений в постсоциалистический период: взлеты и падения». По сути, докладчица дала обзор эмпирического исследования и его главных результатов, достигнутых в течение прошлых лет. В соответствии с принципами качественного подхода, в исследовании рассматривалось обеспечение систем социальной поддержки в отдельных российских сообществах (города, деревни). Измерение «социальных субсидий “для семей и домашних хозяйств”» было ключевым в эмпирическом исследовании. Результаты исследования показывают, с одной стороны, встроенность класса бедных в социальную структуру общества, с другой, системы социального обеспечения, законы и правила, так же, как администрирование, должны быть реформированы, принимая во внимание социокогнитивные, нормативные и культурные характеристики клиентов. До сих пор преобладает система отбора, которая включает большую группу лиц, имеющих право на субсидии. Кроме того, еще не началась активная борьба против бедности и обнищания. Ключевые вопросы, обсуждаемые во время дискуссии, определялись требованиями к эмпирическому исследованию, возможностями генерализации и проблемами русского бедного в целом.

Наталья Тихонова (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия) дала краткий обзор «*Социальной стратификации современного российского общества*». В ходе своей презентации — в режиме синхронного перевода с русского на английский язык — она попыталась суммировать и обсудить главные проблемы и тенденции в развитии социальной стратификации в России в течение прошлых лет. Кроме того, обсуждался вопрос, насколько теоретические модели, утвердившиеся в российской или западной социологии, применимы для анализа социальной структуризации и неравенства в современном российском обществе. Помимо обзора большого количества эмпирических материалов (страты по доходам, позиционные группы и т.д.) главным результатом ее исследования было отклонение любой модели, фокусирующейся только на материальных факторах в смысле экономических или профессиональных ресурсов. Включение социальных и культурных ресурсов (или капитала), так же, как преобразование существовавших ранее ресурсов, необходимо в трансформационный период. Во время открытого обсуждения были углублены некоторые аспекты дискурса и был сформирован вопрос о сопоставимости тенденций и потребностей обществ в Восточной и Центральной Европе.

Последним в первый день конференции выступил **Рай Колморген** (Магдебург, Германия) с докладом «*Постсоциалистические трансформации: общества и режимы социального обеспечения*». Первая часть его презентации была посвящена теоретической и типологической структуре исследования постсоциалистических трансформаций. Во второй части рассматривалось «место» реформирования социального обеспечения в постсоциалистический период. Колморген предположил, что ввиду структурных и процессуальных характеристик постсоциалистических трансформаций (холистическое измерение, дилеммы одновременности, мезоинституциональное ядро, и т.д.) общественное благосостояние стало сценой для социополитической борьбы. Наряду с реформами одновременно предлагаются «инструменты», для того чтобы справиться с их последствиями. Относительно пределов, форм и влияния общественного благосостояния Колморген мог на эмпирических примерах показать что — вопреки предположениям о выживании

государственных социалистических мер, как и вопреки тезисам о полной неолиберализации — страны Центральной Европы восстанавливают систему, по своей структуре подобную системе западноевропейских обществ. Однако, многие восточноевропейские страны, и не в последнюю очередь Россия, пережили существенное ухудшение условий социального обеспечения и снижение уровня общественного благосостояния в целом, так что режимы социального обеспечения этих стран могут рассматриваться как определенный «посткоммунистический тип» с собственной институциональной структурой, со своими проявлениями и проблемами. Будущее этого типа, кажется, намного более перспективным, чем режимы стран Центральной Европы, которые извлекают выгоду из Вступления ЕС в 2004 г. Во время дискуссии обсуждались вопросы, связанные с типом социальных изменений, имевших и имеющих место в Центральной и Восточной Европе, и будущее частного и общественного благосостояния в этом регионе.

На второй секции «*Социальная структура социальных неравенств: образование и занятость*» рассматривались результаты крупномасштабного исследования, проводившегося в нескольких странах и посвященного связи образования и занятости. **Тэд Гербер** (Висконсин, США) в своем докладе «*Образование и карьера в России — рост меритократии?*» подчеркнул, что дать простые ответы на вопросы о меритократии невозможно. Результаты нескольких лонгитюдных исследований выявили противоречивую картину. В первые годы трансформаций в России отдача от образования была очень низкой, однако она значительно увеличилась в последние годы. С другой стороны, это увеличение происходило главным образом из-за резко падающего объема получающих образование, сопровождаемого устойчивыми гендерными различиями, и в то же самое время процесс получения образования в России не стал более меритократичным: как кажется, меньшее количество людей стремится к получению образования в период перехода к рыночной экономике.

Сообщение **Эллу Саар** (Таллинн, Эстония) было посвящено компаративистскому исследованию «*Переход молодежи от образования к работе в постсоциалистических странах*». Она подчеркнула тот факт, что специфика общественных институтов страны в значительной степени влияет на жизненные возможности, профессиональную мобильность и переход от обучения в школе и университете к работе. Но действительно ли формирование жизненного пути общественными институтами в развитых индустриальных обществах отличается от его формирования в постсоциалистических переходных обществах, работают ли известные меры и методы также в политике на рынке труда в Восточной Европе, и насколько теории, разработанные для развитых индустриальных обществ, применимы для постсоциалистических переходных обществ? Докладчик подчеркивает, что невозможно дать какую-то определенную классификацию стран с переходной экономикой, потому что они идут изначально различными путями. А известные меры не всегда дают ожидаемые результаты. Урок «Старой Европы» — более гибкие рынки труда и образовательные системы, совмещаемые с высокой степенью участия в пожизненном и неофициальном обучении — не является истиной в последней инстанции для многих восточноевропейских стран. Очевидно, существуют различные механизмы работы, и, по-видимому, причина кроется в несогласованности новых институциональных структур.

Энн Гэдикк (Дуйсбург, Германия) закрыла секцию рассмотрением ситуации в Восточной Германии. В своем докладе *«Риски и возможности воссоединения: карьера в Восточной Германии в 1990-х гг.»* на основе данных исторических событий и моделирования она показала, как различные виды человеческого капитала и характеристики восточногерманских служащих способствовали профессиональной мобильности, потеряли свою ценность или даже препятствовали карьерному росту после 1989 г. Главным результатом исследования стал вывод об изменении структуры социальных позиций и наград, далеко идущие де- и ревальвация прежних ресурсов. Тем не менее, нельзя говорить о полном изменении структуры социальных неравенств, даже несмотря на самые бурные трансформации в сфере профессиональной занятости, когда-либо имевшие место в истории других стран с переходными экономикими. Анализ межпоколенческой мобильности показал довольно одностороннее использование возможностей на рынке труда с большим числом проигравших, чем победивших в сфере профессионального положения и статуса занятости. Обсуждение этих трех докладов было частично посвящено методологическим вопросам, потому что все они были детально проработаны в этом отношении. Рассмотрение образования и занятости в нескольких странах в компаративистской перспективе выявило, насколько условия социального перехода определяют возможности преобразования капитала и, таким образом, стабилизации или изменения структуры неравенства.

На третьей секции *«Социальное неравенство и качество жизни»* первой с докладом выступила **Катя Подкопаева** (Минский Государственный университет, Белоруссия): «Многосторонность глобализации. Парадоксы восточных сценариев». В первой части своего выступления докладчица дала определение концепции текущих глобализационных процессов, включая восточноевропейский регион, учитывая их диапазон и возможное содержание. Во второй части она представила результаты эмпирической научно-исследовательской работы об «Условиях жизни, образе жизни и здоровье» (Пятый проект ЕС 2000–2003). На основе эмпирических данных была выявлена общая тенденция упадка благосостояния, на которую Колморген указал в своей работе, снабдив ее детальной информацией, иллюстрирующей все существенные различия четырех стран, выбранных для обзора (Белоруссия, Грузия, Россия, Украина). На вопрос об изменении финансового положения семей в этих странах в течение прошлых десяти лет 40 % российских респондентов ответили «определенно ухудшилось», тогда как в Белоруссии «только» 14 % дали такой ответ. Аналогичные ответы были получены на вопросы о безопасности, системе здравоохранения или «удовлетворения» от работы или ситуации с высшим образованием. В третьей части доклада обсуждались два противоположных сценария ближайшего будущего Белоруссии: первый рассматривал текущую ситуацию и политическую программу как в значительной степени «подходящую и успешную». Такой сценарий можно было бы назвать «эволюционной» и «тактической модернизацией», которая пытается предотвратить «дисфункции в экономической сфере и всеобщий разрушительный кризис». Второй, противоположный сценарий следовал «неолиберальной модели развития Белоруссии» и включал «радикальные преобразования в экономической сфере» и «формирование демократического государственного, гражданского общества, политических свобод и прав человека». Во время дискуссии обсуждались требования к эмпирическому исследованию (прежде

всего, достоверность данных) и проблемы текущей политической и социальной ситуации, включая проблему осуществимости реформ.

Со вторым сообщением выступил **Павел Кротов** (Университет Линкольна, США). В его докладе «*Городские неравенства в постсоциалистический период*» рассматривались, прежде всего, концептуальные проблемы городских неравенств в постсоциалистических условиях (Россия), в особенности неравенства в обеспечении жильем и развитие рынка ценных бумаг, недвижимости и модернизации системы обеспечения жильем. Кротов подверг критике модели, пренебрегающие постсоциалистическими особенностями неравенств и, в частности, в обеспечении жильем — от государственных социалистических структур собственности, различных типов обеспечения жильем, возникающих в разные периоды до «действительной» политики приватизации — и выделил собственный подход. Во-вторых, Кротов применил свою теоретическую модель в эмпирическом исследовании провинциального российского города. Он смог показать различные типы и диапазон мобильности в сфере обеспечения жилищных условий. Хотя могут наблюдаться некоторые перегруппировки с эффектами сегрегации (от новых жилых микрорайонов до узких кругов в городах с досоциалистическими зданиями, и наоборот), структура жилищного фонда до настоящего времени достаточно устойчива. Это происходит из-за недостатка жилищного фонда, в целом, и в некоторой степени из-за новостроек, возведенных за пределами кварталов «нуборишей». Во время дискуссии обсуждалась теоретическая модель, статистические данные и вопросы генерализации.

После третьей секции была проведена открытая дискуссия (А) под названием «*Рост социальных неравенств в Центральной и Восточной Европе: перспективы исследования и методологические требования*». **Генрих Домански** (Академия Наук, Варшава, Польша), **Нэнси Тама** (Стэнфордский Университет, США), **Мартин Дивальд** (Университет Билефельда, Германия), **Елена Омельченко** (Ульяновск, Россия) и **Даниил Александров** (Европейский Университет, Санкт-Петербург, Россия) подготовили краткие выступления по теме. Дискутирующими были высказаны оценки текущей ситуации, комментарии о состоянии исследований, критика, рассмотрены главные направления эмпирических исследований и их возможные перспективы. Участники конференции выдвинули важные предложения относительно будущего сотрудничества в проведении исследований: (1) Продолжение проверки теорий (на основе нескольких существующих эмпирических баз данных), например теория класса, измерение свободы действия и т.д.; (2) Дальнейшее развитие соответствующих методов; (3) Регионализация и локализация наблюдения, осмысления и объяснения социальной стратификации, неравенств и благосостояния в Центральной и Восточной Европе; (4) Утверждение академической структуры, обеспечивающей сбор данных для нового Востока и ответственной за сотрудничество в научно-исследовательской сфере.

На заключительной, четвертой секции «*Индивидуальная свобода действия и социальные неравенства*» акценты сместились с классических исследований неравенств в образовании и занятости к вопросу о том, как определенные условия влияют на возможности, риски и шансы проявления индивидуальной свободы, и, наоборот, влияние индивидуальных возможностей и сил на достижение результата на рынке труда. Обращаясь к теории,

согласно которой во времена радикальных и стремительных социальных изменений личность и индивидуальная свобода действия должны иметь наибольшее значение, **Мартин Дивальд** (Билефельд, Германия) исследовал «Свободу действия и мотивацию на рынке труда в структуре социальных изменений в Восточной Германии». Термин «свобода действия» был операционализирован как опыт агента, относящийся к периоду ГДР, и его доминирующие убеждения. Рассмотрение взаимодействия доминирующих убеждений и профессиональной мобильности дало возможность выявить интересный результат: профессиональный опыт оказывает сильное влияние на убеждения агента, но сами убеждения имеют ограниченное влияние на профессиональную мобильность: они влияют на восходящую мобильность, но никак не связаны с нисходящей мобильностью и безработицей. Подводя итоги, Дивальд подчеркнул, что ситуация в Восточной Германии характеризуется довольно слабой реакцией на индивидуальную свободу действия.

Ситуация в Эстонии, напротив, представляет собой противоположный случай. Так, **Мик Титма** и **Нэнси Тама** (Стэнфорд, США) в своем разговоре о «Человеческом факторе как факторе занятости в переходных обществах» показали, что свобода действия играла решающую роль в формировании карьеры. Фактор человеческого потенциала подразумевает существование предпосылок (например, навыков, образования, цели), процессов (например, осуществление выбора и факторы, влияющие на выбор, такие как самоэффективность и локус контроля) и предшествующих действий агента.

Примечательно, что для многих людей опыт периода социализма все еще является очень важным. **Наталья Похорила** (Киев, Украина) в своем докладе основной акцент сделала на «Доходе и уровне дохода на Украине в 1998–2006 гг.». Она показала, что уровень дохода повысился с экономической стабилизацией, хотя ситуация с доходами населения все еще хуже, чем в большинстве других стран с переходными экономиками. Растущие неравенства могут наблюдаться не только относительно существующих доходов, но также и относительно будущих экономических перспектив, в которых количество бедных увеличится, а пирамиду неравенств будут венчать немногие избранные.

В заключительном докладе, сделанном **Хитэр Хофмайстер** (Бамберг, Германия) постсоциалистические трансформации были помещены в международный и европейский контекст. В сообщении о «Восточной Европе и Западной Европе в процессе глобализации» она представила результаты проекта Глобалайф, который был недавно завершен. Несмотря на то, что страны, вовлеченные в процесс глобализации, имеют много общего, она выявила некоторые различия между Восточной и Западной Европой. Среди самых значительных, кроме так называемого «переходного шока», длительный упадок в занятости женщин на рынке труда (в Польше и Венгрии), возможно, вызванный слабо организованной государственной охраной труда, таким образом, оставляющей наиболее уязвимые группы незащищенными от растущего давления. Во-вторых, уровень безработицы среди мужчин и неустойчивость статусных позиций выше, чем в Западной Европе. В-третьих, рабочие прекращают свою деятельность на рынке труда в силу возраста раньше, чем в Западной Европе. В целом, однако, нет какой-то жесткой границы, которую можно было бы провести между глобализационными процессами в Восточной и Западной Европе.

Завершила конференцию вторая открытая дискуссия «*Европейские перспективы*». **Георгий Ленгуэл** (Будапешт, Венгрия), **Владимир Ильин** (Санкт-Петербург, Россия), **Овсей Шкаратан** (Москва, Россия) и **Христоф Келер** (Йена, Германия) подготовили сообщения. За их докладами последовала оживленная дискуссия о том, важна ли схожесть или, наоборот, специфика европейских стран для понимания событий в Восточной и Ближневосточной Европе. Европейская идентичность — Георгий Ленгуэл провел различие между символической и прагматической формой такой идентичности — доминирует в Центральной Европе. Однако концепции европейской политики, как, например, «возможности трудоустройства», не кажутся релевантными. Возможно, ключевой момент состоит в том, что страны Восточной и Центральной Европы с переходными экономиками относятся к группе стран, приближающихся по уровню развития к странам Западной Европы и ЕС, при этом появляется все больше стран на востоке, включая Россию, которые не очень позитивно относятся к идее и практике европеизации.

Конференция была успешна в перспективе будущего сотрудничества между участниками, представителями различных стран, среди которых Россия, Белоруссия и Украина как страны, наиболее отдаленные от участия в объединенных научно-исследовательских проектах ЕС по сравнению с большинством стран Восточной Европы. Участники конференции договорились о выпуске сборника на английском языке с протоколами конференции. Мартин Дивальд, Рай Колморген и Маркус Кайзер были выбраны в качестве ответственных редакторов сборника. Также была создана страница в интернете на английском языке (ZDES), посвященная конференции. На ней можно найти программу конференции, список участников, отчет по протоколам конференции и отдельные доклады.

*Мартин Дивальд,
Рай Колморген*